

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ТЕОФИЛЬ ШАРЛЬ ФЕРРЕ

(1845—1871)

Во второй половине 60-х годов недовольство всех слоёв французского общества режимом Второй империи непрерывно возрастало.

Напуганное правительство решило пойти на уступки, надеясь успокоить этим общественное мнение. Весной 1868 г. был опубликован закон о печати, отменивший предварительную цензуру, и закон о собраниях, разрешавший их проведение при условии контроля полиции.

Но эти вынужденные меры только содействовали ещё большему росту популярности республиканских идей, особенно в среде учащейся молодёжи. Республиканская оппозиция широко использовала новые льготы для самых энергичных атак на бонапартовский режим. В столице и в провинции возник ряд газет и журналов, активно пропагандировавших свержение существующего режима. Публицисты-республиканцы стремились как можно ярче и убедительнее обрисовать все преступления бонапартизма, — вышли в свет сочинения Тено, полные огня, напоминавшие народу все подробности декабрьского переворота 1851 г.: «Париж в декабре 1851 г.» и «Провинция в декабре 1851 г.».

Тысячи людей — рабочих, интеллигентов, мелких буржуа, пылавших неугасимой жаждой знания и вдохновлённых ненавистью к империи, устремились на отныне разрешённые народные (публичные) собрания. На них толпились массами. Двадцать лет Париж не слышал живого

слова. Произносились горячие речи... Наибольший успех на долю ораторов выпадал в рабочих кварталах.

Среди популярных ораторов этих собраний обращал на себя внимание горячностью и убежденностью человек небольшого роста, с густой черной бородой и бакенбардами, чернота которых резко оттеняла мертвенную бледность его лица, с орлиным носом и в пенсне, скрывавшем черные, блестящие, сильно близорукие глаза. Пылкие речи этого оратора, характерная для него порывистая жестикуляция были хорошо знакомы аудитории клубов и общественных собраний: это был 22-летний Теофиль Ферре.

Люди, слышавшие его выступления, могли по достоинству оценить его ум, смелость, веру в революцию. Особенно большой успех имело его выступление у могилы Бодена¹. 2 ноября 1868 г. забытая могила Бодена была обнаружена на Монмартрском кладбище и тотчас же стала предметом паломничества и исключительного общественного внимания: чествование памяти этой жертвы бонапартизма было отличным предлогом для антиправительственных манифестаций. Во время одной из таких многотысячных манифестаций на могилу было возложено много венков, произносились горячие речи. Журналист из «Réveil» гневно клеймил империю, и толпа то и дело разражалась криками: «Да здравствует республика!» Другой оратор, выступая от имени народа и молодежи, заявил, что мщение неизбежно и ждать его уже недолго.

Вдруг на пьедестале одного памятника появилась знакомая толпе фигура Ферре, с густой растрепанной шевелюрой и бледным лицом, обросшим черными волосами. Подняв вверх сжатый кулак, Теофиль Ферре начал свою речь следующими зажигательными словами, сразу перенёсшими слушателей в атмосферу 1793 г.:

— Да здравствует республика!.. Конвент в Тюльери!.. Разум в Соборе богородицы (Notre Dame)².

И в дальнейшем (по словам обвинительного акта процесса членов Коммуны) «на политических собраниях Ферре выделялся своим неистовством и своими безрассуд-

ными речами, которые неизменно вызвали к памяти 1793 г.»

23 декабря 1868 г. Ферре произнёс пламенную речь, встреченную частыми и бурными аплодисментами. В ней он, между прочим, говорил:

«При Людовике XVI нищета дошла до крайней степени. Когда в присутствии одной негодницы говорили о жалобах народа и о недостатке хлеба, эта несчастная, которую по заслугам убрали эшафот, сказала: «Если у них нет хлеба, пусть они едят печенье». Это была Мария Антуанетта.

Революция 89-го года, к которой привели застой в промышленности и потребность в свободе, пыталась дать рабочим работу; им было поручено выравнивать Марсово поле... то самое Марсово поле, которое год спустя было залито кровью расстрелов в интересах буржуазии...

Революция 93-го года, которая была второй и настоящей революцией, дала рабочим работу. Она установила против спекулянтов жестокие наказания...»¹

Своим выступлением Ферре хотел подчеркнуть, что годом подлинно великой революции был именно 1793 г., когда была казнена королевская чета, учреждены Комитет общественного спасения и Революционный трибунал.

По своим политическим убеждениям Ферре принадлежал к числу активных бланкистов. Бланкисты, последователи учения коммуниста-утописта Огюста Бланки, вербовали своих сторонников в мелкобуржуазной среде революционно настроенной интеллигенции и студенчества Латинского квартала, но пытались также завоевать влияние среди рабочих. Революционной молодежи нравилась твердая решимость бланкистов возможно скорее поднять восстание, использовать первый представившийся случай для свержения империи. Бланки верил, что сплоченная и дисциплинированная кучка смелых заговорщиков может внезапно захватить власть и, действуя в интересах трудящихся масс, увлечь последних своим героическим примером. Бланки жестоко критиковал эксплуататорский буржуазный строй. Его идеалом было бесклассовое коммунистическое общество.

¹ Боден, Жан Батист (1801—1851) — депутат Законодательного собрания, был убит во время бонапартовского переворота 2 декабря 1851 г. на баррикаде улицы св. Маргариты, в предместье Сент-Антуан.

² В разгар буржуазной революции (10 ноября 1793 г.) в Соборе Парижской богородицы состоялся праздник Свободы и Разума.

Маркс и Энгельс высоко ценили Бланки, называя его ещё во время революции 1848 г. пролетарским революционером¹. В одном из своих писем Маркс называл Бланки «головой и сердцем пролетарской партии во Франции»², а его партию — партией революционного пролетариата. Энгельс считал Бланки единственным человеком, способным возглавить революционное движение во Франции³.

Ленин писал, что Бланки — «несомненный революционер и горячий сторонник социализма»⁴.

Однако, с большим сочувствием относясь к идеям I Интернационала (Бланки присутствовал на Брюссельском конгрессе 1868 г.), Бланки всё же был далёк от истинного понимания идеи пролетарской диктатуры и значения классовой борьбы. Он не был в состоянии подняться до научного материалистического и диалектического понимания общественных явлений. «Бланки,— говорил Энгельс,— по существу — политический революционер; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства»⁵.

Главное заблуждение Бланки и его учеников как революционеров заключалось в том, что они не могли преодолеть традиций тайных организаций и ошибочно полагали, что путём заговорщических методов можно «осуществить социальную революцию». Ленин впоследствии, жестоко критикуя их за это, писал: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, ...когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в рядах *слабых полоеинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*»⁶. Но бланкисты упорно оставались верными своим методам заговора, чем

и объяснялись частые провалы их попыток осуществить восстание масс. В середине 60-х годов бланкистская организация оформилась окончательно.

Маленькая «армия» заговорщиков была построена по принципу строгой конспирации и состояла из «десятков», каждый из которых не знал о деятельности другого десятка. Этой «армией» Бланки управлял, находясь в Брюсселе, через своих ближайших сотрудников — Тридона, Жаклара и Вильнева¹.

Бланкисты боролись за влияние в рабочей среде с другим социалистическим течением того периода — прудонистами, деятелями французских секций I Интернационала. Они осуждали принципиальное равнодушие прудонистов к политической борьбе и стремление их ограничиться защитой только экономических требований. Особую остроту эта борьба приняла в последние годы Второй империи.

Теофиль Шарль Ферре принадлежал к числу наиболее убеждённых и активных бланкистов. Родившись в 1845 г. (по некоторым данным — в 1846 г.) в бедной семье мелкого парижского служащего Лорана Ферре и Мари Ривьер, он рано стал зарабатывать себе на пропитание, служа счетоводом в конторе.

Революционная борьба захватила Теофиля целиком. Бросив контору, он посвятил себя революционной деятельности. Первое время Ферре не принадлежал к кругу «избранных», и Бланки не посвящал его ни в одно из своих крупных предприятий. В нём видели только хорошего оратора, который талантливо пропагандирует бланкистские идеи. Однако очень скоро Ферре завоевал доверие своих товарищей и выдвинулся в первые ряды.

В начале 1869 г. Теофиль Ферре был арестован за нарушение закона о собраниях и посажен на три месяца в тюрьму Сент-Пелажи. Здесь он сблизился с Раулем Риго, Тридоном, Дювалем, Фортеном и другими видными бланкистами. Сообща с Риго Ферре организовал в Сент-Пелажи стачку протеста политических заключённых. Как выяснилось на суде, во время этой стачки из всех окон тюрьмы раздавались крики «Да здравствует республика! Да здравствует гильотина!», пение «Марсельезы» и «Карманьолы».

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 152.
² Roger Garaudy, Les sources françaises du socialisme scientifique, Paris 1949, p. 218.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 384.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 437.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 225.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 4—5.

¹ См. Ch. Da Costa, Les blanquistes, Paris 1912, p. 17.

6 января 1871 г. делегация 20 округов Парижа (прудонисты, бланкисты, левые республиканцы) опубликовала так называемую «Красную афишу», в которой были выражены требования рабочего, республиканского Парижа, обеспокоенного пассивностью правительства в минуту столь грозной опасности. Афиша решительно осуждала правительство и военное руководство и требовала создания Коммуны, которая по-революционному провела бы все меры, нужные для борьбы с осаждавшим Париж неприятелем.

«Выполнило ли свою миссию правительство, которое обязалось 4 сентября организовать национальную оборону? Нет, не выполнило. В Париже 500 тысяч бойцов, а осаждающих пруссаков — 200 тысяч!.. Наши же правители, вместо того чтобы отлить пушки и изготовлять оружие, занимались только переговорами... Они оставили боунапартистов на занимаемых ими местах, а республиканцев сажали в тюрьмы... Своей медлительностью, нерешительностью и инертностью они привели нас к краю пропасти, они не умели ни управлять, ни сражаться, хотя в их распоряжении были все ресурсы, материалы и люди!.. Военное командование носит ещё более жалкий характер... Если в людях Ратуши сохранилась хоть капля патриотизма, их долг — удалиться, дать парижскому народу возможность самому позаботиться о своём освобождении».

«Красная афиша» заявляла, что отныне «муниципалитет, или Коммуна (каким бы именем её ни называли), является единственным спасением народа от гибели», что ещё не поздно принять решительные меры, чтобы избежать позорной капитуляции. Эти меры:

Всеобщая реквизиция! Бесплатные пайки! Массовая вылазка!

«Уступите место народу! Место Коммуне! — Делегаты двадцати округов Парижа» — так заканчивалась «Красная афиша»¹.

Среди 130 подписей значилась подпись Теофиля Ферре.

Теофиль Ферре служил в 152-м батальоне Национальной гвардии и входил в состав комитета бдительности XVIII округа (Монмартра). «Население Монмартра и Бельвиля, — писала коммунарка Луиза Мишель, — их мэ-

ри, наблюдательные комитеты и клубы были пугалом для «людей порядка»...

В наблюдательных комитетах собирались люди, безусловно преданные революции, которым не страшна была смерть. Там закалялось их мужество»¹.

Зорко следя за подозрительными махинациями мэров и некоторых депутатов Национального собрания, стремившихся разоружить парижских рабочих, Ферре успел разоблачить один из этих манёвров: монмартрский мэр Клемансо незадолго до 18 марта привёл на пост улицы Розье депутата Национального собрания Шельше и почти добился согласия часовых 61-го монмартрского батальона на добровольную передачу орудий Шельше (под тем предлогом, что тот якобы «бывший офицер Национальной гвардии») при условии, если последует на это распоряжение правительства. Обрадованный Клемансо весь вечер безуспешно разыскивал нужных ему членов правительства, чтобы с их помощью организовать получение орудий. Однако члены комитета бдительности XVIII округа во главе с Ферре (Ферре, Жаклар, Дерер, Ж.-Б. Клеман), узнав о ведущихся переговорах, явились на пост 61-го батальона и категорически запретили отдавать пушки².

В ночь с 17 на 18 марта, ещё до рассвета, 40 батальонов линейных солдат под командой генералов Винуа, Леконта, Патюреля, Фарона двинулись на холмы рабочих окраин Парижа (Монмартр, Бельвиль) и захватили пушки, принадлежавшие Национальной гвардии. Лишь только рассвело, поднялась тревога. Ферре вместе с членами комитета бдительности, сформировав колонну и вооружившись, немедленно выступили против солдат генерала Леконта. Как известно, солдаты отказались стрелять в народ и при восторженных криках толпы стали брататься с рабочими. То же произошло и в других местах; ошеломлённые неудачей генералы и часть солдат обратились в бегство. Победа рабочих была неожиданной и полной. Её возвестил громовой салют отбитых народом пушек.

Центральный комитет Национальной гвардии спешно назначил командиров легионов (Дюваля — в XIII и

¹ G. Bourgin, La Commune de Paris et comité central (1871), «Révue historique», Paris 1925, t. 150, p. 10—11.

¹ Луиза Мишель, Коммуна (Из воспоминаний), М.—Л. 1926, стр. 56.

² См. Frank Jellinek, The Paris Commune of 1871, London 1937, p. 101—102.

У округах, Анри — в XIV, Варлена — в XVII), одновременно батальонам XVII и XVIII округов был дан приказ овладеть Вандомской площадью.

В то время как Варлен (XVII округ) немедленно решил выполнить приказ, Бержере (XVIII округ) колебался это делать; потребовалось настойчивое вмешательство Ферре, бывшего тогда председателем Монмартрского комитета, чтобы монмартрские и батиньольские федераты соединились и спустились к улице Бланш, на шоссе д'Антэн. К девяти часам вечера они овладели Вандомской площадью и зданием Генерального штаба.

К полудню того же дня весь XI округ был целиком в руках восставших.

Тем временем генералы Леконт и Клеман Тома, которые были арестованы и заключены в Шато-Руж (на Монмартре), тщательно охранялись капитаном Национальной гвардии Симоном Майером. Мэр Клемансо, надеявшийся ещё спасти генералов, дал Майеру соответствующие инструкции об их охране. Неожиданно был получен приказ Центрального комитета о переводе обоих генералов на улицу Розье. (Очевидно, не доверяя мэру, Комитет решил отправить арестованных в более надёжное место, чтобы сохранить их в качестве заложников).

Согласно приказу Центрального комитета генерала Леконта и других арестованных офицеров повели в дом № 6 на улице Розье (где разместился 61-й батальон Национальной гвардии). В толпе, окружавшей конвой с арестованными, находилось много солдат, бывших подчинённых генерала Леконта. Появление его вызвало шумное выражение ненависти среди них.

Озлобление толпы достигло кульминационного пункта, когда в комнату дома № 6, где уже находился Леконт, был приведён генерал Клеман Тома. В прошлом организатор июньской бойни 1848 г., Клеман Тома, будучи главным командующим Национальной гвардии, в течение долгого времени преследовал рабочие батальоны. Незадолго до 18 марта он строил планы «покончить с цветом парижской сволочи»¹.

Клемана Тома задержали на площади Пигалль в ту минуту, когда он, переодетый, следил за восставшими. По-

явление Тома послужило толчком к взрыву стихийного народного гнева.

— Негодяй! — крикнул один рабочий. — Ты нас расстреливал, ты ссылал нас в июне 1848 г.! Ты называл нас трусами во время осады!

Смерть ему! Смерть! — раздались крики¹.

Его тут же вытащили из дома и расстреляли у стены. После этого наступила очередь Леконта, которому

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 470—471.

¹ См. Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 74—75.

солдаты бросили обвинение в жестоком обращении, в том, что он отдал утром приказ стрелять в народ. Несмотря на попытки некоторых защитить Леконта, он был также расстрелян.

Во время переговоров Центрального комитета с саботировавшими выборы в Коммуну мэрами и депутатами (между 18 и 26 марта) Ферре проявил огромную настойчивость и решительность. 20 марта по настоянию его и бланкиста Эда Комитет 20 округов принял решение о том, что Центральный комитет Национальной гвардии не имеет права слагать с себя военную власть и гражданские полномочия, как того требовали мэры и депутаты, заявившие, что единственными носителями власти являются они.

На следующий день Комитет 20 округов постановил оказать энергичное содействие Центральному комитету Национальной гвардии и как можно скорее приступить к выборам Коммуны. Для осуществления этого Комитет избрал 10 делегатов, в том числе Теофиля Ферре.

Избранный в Коммуну от XVIII округа большим количеством голосов (13 784 голосами), Ферре во время первых заседаний исполнял обязанности секретаря. 29 марта Ферре (вместе с Риго, Асси, Курне и тремя другими членами) был избран в состав Комиссии общей безопасности и с этого момента целиком посвятил себя осуществлению одной из важнейших функций пролетарской власти — функции подавления контрреволюции, беспощадного искоренения и разоблачения всех происков её агентов. Непреклонность и принципиальная твёрдость Теофиля Ферре в осуществлении этой задачи неоднократно вызывали ярость и осуждение не только сторонников Версаля, но и колеблющейся, мягкотелой среды мелкобуржуазных демократов.

Ферре с первых же дней после выборов отдался работе в Комиссии общей безопасности. В его распоряжении оказался богатейший материал, позволявший разоблачить тёмные махинации бонапартистских пособников, агентов и провокаторов. Это были знаменитые «Кабинетские архивы» префектуры полиции. В многочисленных (до 117 тысяч) папках этих архивов хранились «дела» и характеристики разных общественных деятелей, революционеров и ораторов народных собраний. Такие же архивы, касающиеся провинции, имелись в министерстве внутренних дел. Материалы представляли большой интерес для Комиссии.

Особенно ошеломило членов Комиссии необычайное открытие: некоторые члены их организации, пользовавшиеся общим доверием, оказались провокаторами, как, например, бланкист Жозеф Рюо, бывший каменотёс и угольщик, осуждённый при империи и считавшийся в кругу товарищей честным республиканцем. Такими же провокаторами оказались Грефф, член Коммуны Бланше (бывший капуцин и политический агент), Эмиль Клеман, Ларжильер (первые два и Рюо были в период Коммуны расстреляны, остальным удалось уцелеть, хотя они и были разоблачены). Однако в рядах Коммуны были люди, не умевшие понять и оценить всей важности революционных мер, предпринимавшихся Комиссией в целях борьбы с контрреволюцией. Враги Коммуны (а также члены «меньшинства» Коммуны) обвиняли Ферре в «излишней подозрительности», в чрезмерной жестокости, друзья — в чрезмерной близорукости и недостаточно умелой борьбе с контрреволюцией. Многие члены Коммуны, считавшие себя социалистами (например, Артур Арну), не в состоянии были понять значение и необходимость твёрдости и непреклонности в отношении врагов революции. Против правильной политики Ферре и Риго (впоследствии прокурора Коммуны) они выступали с сентиментальными доводами, но последние продолжали упорно отстаивать свою линию поведения.

Ещё на заседании Коммуны 8 апреля, споря с Риго и Ферре и защищая жизнь священников, которых Коммуна рассматривала как опасных политических преступников, Верморель утверждал: «Наша цель заключается не в том, чтобы проливать кровь версальцев и заложников, а в том, чтобы воспрепятствовать пролитию нашей крови». Ферре и другие члены Комитета энергично возражали против этого, указывая на то, что священники — опасные пропагандисты вражеского лагеря.

Характерное столкновение произошло на заседании Коммуны 24 апреля 1871 г. по вопросу, следует ли разрешить членам Коммуны свободное посещение политических заключённых. Ферре горячо возражал против этого; в случае принятия этого постановления Ферре решил подать в отставку.

«Социалист» Артур Арну требовал отмены одиночного заключения, как меры, противной революционному государству.

Несмотря на протесты, большинство приняло решение о праве членов Коммуны посещать заключённых. Тогда Ферре и Риге сложили свои полномочия членов Комиссии общей безопасности. Однако вскоре они были переизбраны и вынуждены были остаться¹.

Коммуна с первого до последнего дня была опутана такой сетью шпионажа, предательства, заговоров, что Ферре и Риге, несмотря на всю свою энергию, сумели раскрыть только немногие из них, например, «заговор трёхцветных повязок», заговор Камюса, Люлье и др.² Директор телеграфа Тревес передавал ложные телеграммы; шпионажем занимались штабные офицеры военного министерства, офицеры Национальной гвардии, подкупленные Версальем, и версальские агенты, сумевшие пробраться к высшим командным постам Национальной гвардии (Шарпантье, Домален, Лапорт, Барраль-де-Монто, Францини и др.), но вредительская их деятельность оставалась неизвестной Комиссии общей безопасности. Широко практикуя метод подкупа, агенты Тьера безнаказанно организовали ряд диверсионных актов (например, взрыв пороховой фабрики на улице Рапп, повлёкший множество жертв, и др.).

Многого сумела добиться Комиссия общей безопасности в деле организации порядка в Париже. «Коммуна как-то чудом преобразила Париж! — писал Маркс. — Рас-

Париж Второй империи бесследно исчез... С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского»³.

Ферре был душой Комиссии. «Он внушал уважение своей честностью и аккуратностью, — вспоминал ближайший его сотрудник по префектуре полиции П. Катлэн, начальник полиции безопасности, — и страх — своей страстной и ярой преданностью революции. Я никогда не видел,

чтобы он, как многие другие, опьянялся властью, пользуясь ею для угнетения слабых, зато он часто проявлял беспощадную суровость в отношении людей, злоупотреблявших своими полномочиями. Он способен был убить человека, но убить в том случае, если бы счёл это полезным для торжества своих идей».

Катлэн вспоминает один случай, когда в его кабинет ночью ворвалась в сильном возбуждении группа национальных гвардейцев, угрожая ему оружием. Благодаря самообладанию и при содействии нескольких агентов ему удалось их успокоить и обезоружить. После бессонной ночи Катлэн разыскал Ферре и, убеждённый, что эта попытка арестовать его была совершена по приказу Ферре, стал упрекать его. «Молча Ферре устремил на меня взор своих чёрных глаз и, когда я успокоился, просто сказал мне: «Гражданин, в этой истории я не замешан, и вы хорошо сделали, что защищались, так как я вас ни в чём не подозреваю. Если бы я намерен был вас наказать за измену, я бы никому этого не поручал и собственноручно убил бы вас». Признаюсь, — заканчивает рассказ Катлэн, — при этих словах я почувствовал страх перед этим человеком»¹. Тот же Катлэн свидетельствует, что при нём Ферре дважды отдавал приказ о расстреле. В обоих случаях речь шла об уголовных преступниках и бандитах, которые, проникнув в ряды Национальной гвардии, совершали убийства, грабежи и изнасилования.

«Расстреляйте этих мерзавцев, которые позорят Коммуну», — сказал мне Ферре². Катлэн, однако, не расстрелял их, а отправил на передовые позиции.

В вопросе о создании Комитета общественного спасения Ферре проявил принципиальную твёрдость. Как бланкист, он был сторонником революционной диктатуры, хотя и в узком, чисто бланкистском понимании. Поэтому он обычно голосовал вместе с якобинско-бланкистским «большинством». На голосовании 1 мая 1871 г. Ферре подал голос за создание Комитета общественного спасения и мотивировал это следующим образом:

«Я принял от своих избирателей императивный мандат; я полагаю, что в соответствии с моими выступлениями и

¹ См. «Политический Парижский Коммунизм», т. I, стр. 191, 193.

² Заговор трёхцветных повязок — это был аналогичный заговор, организованный в Париже несколькими группами (имел целью организацию «Версальских войск» — вторжение версальских войск в Париж и кровавую расправу с коммунарами. С этой целью коммерсант Ланье (впоследствии арестованный по приказу Ферре) предпринял массовую фабричную опознавательных нарукавных повязок. Заговор был раскрыт благодаря случайности: одна работница, шившая повязки, по наивности отправилась в Ратушу просить, чтобы ей заплатили за работу: она не подозревала истинного назначения повязок и полагала, что это — заказ Коммуны.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 487.

¹ P. Cattelain. Mémoires inédits du chef de la sûreté sociale Commune. Paris 1871, p. 115—120.

² Ibid., p. 117, 120.

обязательствами будет логичным голосовать за Комитет общественного спасения»¹.

1 мая Ферре был назначен одним из заместителей прокурора Коммуны одновременно с Гастоном Да Коста, Мартенвилем и Гюгено, а две недели спустя — делегатом при бывшей префектуре полиции (с освобождением от должности заместителя прокурора). Эти назначения дали Ферре возможность более самостоятельно и интенсивно развернуть свою деятельность по борьбе с контрреволюцией.

В борьбе с многочисленными врагами революции, тайными и явными, Комиссия общей безопасности проявила недостаточную прозорливость и твёрдость, отражая чересчур великодушную и гуманную политику всей Коммуны в целом. Это чрезмерное великодушие пролетариата, который, вместо того чтобы «истреблять своих врагов... старался морально повлиять на них»², часто осуждал Ленин, указывая, что оно было одной из причин гибели Коммуны. Говоря о необходимости подавления сопротивления буржуазии в момент захвата власти рабочим классом, Ленин писал: «Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала»³.

Общая ошибочная линия Коммуны — неуместное великодушие, снисходительность и доверчивость, неоднократно проявлявшиеся ею по отношению к врагам, — несомненно отразилась и на действиях Ферре.

И именно за это следует упрекнуть Коммуну и её Комиссию общей безопасности. Декрет от 5 апреля об аресте заложников и казни их в ответ на зверства версальцев долгое время существовал только на бумаге. Через полтора месяца этот декрет был вновь подтверждён, но опять-таки не приведён в исполнение!

Между тем вначале твёрдая политика Коммуны произвела впечатление в Версале, и расстрел пленных временно прекратился. Но как только в Версале стало известно, что пощажены даже шпионы-жандармы, захваченные переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, снова начались массовые расстрелы пленных коммунаров. И только

¹ «Procès-verbaux de la Commune», v. II, p. 33.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 438.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 391.

24 мая, когда бо́льшая часть Парижа была уже в руках вторгшихся версальцев, пачками расстреливавших тысячи невинных людей,— только тогда Ферре решился уступить требованиям возмущённых рабочих, доведённых до отчаяния бесчеловечностью версальцев! Только тогда он решился отдать приказ о расстреле заложников.

21 мая вечером версальцы ворвались в город и начали свою зверскую расправу... В тот же вечер в кабинете Ферре собрались работники прокуратуры Коммуны во главе с Риго. Наибольшую выдержку посреди всеобщего смятения, вызванного вестью о появлении версальцев в Париже, проявили Ферре и Риго. Риго, поддержанный Ферре, заявил, что было бы лучше всего запереться в Ситэ — старейшей части города, взорвать мосты и продолжать борьбу до конца. 22 мая утром состоялось последнее заседание Коммуны, на котором было принято постановление, что члены Коммуны должны направиться в свои округа, чтобы организовать защиту.

К числу лиц, которые не хотели сложить оружие и до последней минуты продолжали сражаться с врагом, принадлежал и Ферре. 24 мая, после того как погиб другой член Комиссии общей безопасности, прокурор Коммуны — Рауль Риго, Ферре остался одиноким «стражем революции». Ночь с 23 на 24 мая Ферре провёл с друзьями в помещении Комиссии общей безопасности. Утром 24-го пришлось спешно эвакуироваться из здания. Ферре направился в мэрию XI округа. Несколько позже делегаты, выделенные толпой, явились к Ферре с требованием привести в исполнение декрет 5 апреля. Ферре подписал приказ о казни шести заложников, не указав, однако, при этом их имён. Приказ, адресованный директору тюрьмы Ла-Рокетт Франсуа, вручается Фортэну (следователю прокуратуры), который вместе с делегатами возвращается на площадь.

Участник Коммуны Вильом описывает так этот момент: «Фортэн вскочил на скамейку:

— Кто пойдёт со мной? — кричит он. — Вот приказ расстрелять шесть заложников — в ответ на расстрел у Мадлен шести человек из 66-го батальона.

— Все! Все! — отвечает толпа.

Впереди всех пожарный в каске. Он будет стрелять первый...

— Я! Я! — кричит он. — Они убили моего брата.

В короткое время Фортэн окружён шестью десятками людей. Две трети из них принадлежат к 66-му батальону. Бегом устремляются они к тюрьме»¹.

Когда толпа узнала, что среди шести имён, выбранных Франсуа для расстрела, нет архиепископа, она хором потребовала: «Архиепископа! Подайте нам архиепископа!»

Относительно арестованного архиепископа Дарбуа с Версалем давно велись переговоры. Коммуна предлагала освободить архиепископа в обмен на Бланки, но Тьер умышленно затягивал переговоры и отмалчивался. Этот холодный и хитрый политик считал, что расстрел коммунарами архиепископа будет гораздо полезнее для дела «партии порядка» и успешной борьбы с Коммуной, чем освобождение Бланки. По мнению Тьера, освобождение Бланки было бы равносильно тому, чтобы послать Коммуне на помощь целый армейский корпус. Тьер намеренно пожертвовал архиепископом, чтобы иметь предлог для своей кровавой расправы с десятками тысяч парижских пролетариев. На просьбу Фортэна, обращённую к директору тюрьмы, вычеркнуть из списка одного и дать взамен архиепископа, последний ответил, что у него нет на это приказа. «Я не выдам его без особого распоряжения», — добавил он. Решено было вернуться в мэрию, с тем чтобы получить подпись Ферре. Когда ему сообщили требование людей, Ферре, не говоря ни слова, «...своим ровным почерком бывшего клерка прибавил внизу смертный приговор прелату: «И в том числе архиепископа»»².

Приговор был приведён в исполнение. Вернувшись в мэрию, Фортэн в присутствии П. Лиссагарэ и А. Эмбера³ рассказал о совершившемся Ферре. По просьбе последнего Фортэн торопливо набросал следующий протокол:

«Сегодня, 24 мая 1871 г., в 7 часов вечера, во исполнение декрета Парижской Коммуны от 5 апреля о заложниках, в тюрьме Ла-Рокетт расстреляны следующие лица:

Дарбуа, бывший парижский архиепископ;

Дегерри, бывший кюрэ церкви Мадлен;

Бонжан, бывший вице-президент Сената Империи;

Клерк, Аллар и Дюкудрэ, бывшие отцы-иезуиты.

Делегат Коммуны Эмиль Фортэн».

¹ Максим Вильом, В дни Коммуны (Записки), Л. 1925, стр. 52—53.

² Там же, стр. 56.

³ Эмбер — один из редакторов газеты «Père Duchêne» в 1871 г.

Утром того же дня Ферре, находясь в здании префектуры полиции, вокруг которого уже пылал пожар, и почти окружённый версальцами, отдал приказ: «Взять из депо арестованных, имена которых следуют, и расстрелять их». В числе четырёх, подлежащих расстрелу, был версальский агент Вейссе, который был подослан к генералу Коммуны Ярославу Домбровскому с целью подкупа. В отношении остальных заключённых Ферре распорядился освободить их, при условии если они будут драться с версальцами. Это были осуждённые за незначительные проступки (около 450 человек). Реакционно настроенная администрация тюрьмы, воспользовавшись распоряжением Ферре и общим смятением, выпустила всех их на свободу.

В субботу 27 мая было уже ясно, что всё потеряно. В руках коммунаров из всего огромного Парижа осталось только несколько улиц XI и XX округов. 200 коммунаров защищали кладбище Пер-Лашез и после разрушения снарядами главных ворот продолжали драться, укрывшись за могилами и памятниками. Шёл проливной дождь... Днём Ферре в последний раз посетил тюрьму Ла-Рокетт, где ещё сидели 315 заложников, и приказал их освободить.

В последнюю ночь «кровавой недели» (с 27 на 28 мая) мэрия XX округа являлась центром сопротивления героических коммунаров. Ла Виллет ярко пылает. Попрежнему идёт дождь. В мэрию XX округа стекаются отовсюду раненые коммунары, но там нет ни врачей, ни перевязочного материала, ни лекарств. Всюду хаос и смятение. Только 6 или 7 членов Коммуны находятся здесь, измученные и обессиленные: Ферре, Варлен, Ранвье, Журд и другие.

Утром 28-го версальцы продвигаются вперёд, чтобы покончить с последними защитниками Коммуны. «Небольшой отряд под предводительством Варлена, Ферре, Гамбона, с красными шарфами вокруг пояса и с шашпо на плечах, спускается по улице Де-Шам и выходит на бульвар XX округа. Огромного роста гарибальдиец несёт большое красное знамя. Они входят в XI округ. Варлен и товарищи его идут на защиту улицы Фобур-дю-Тампл и улицы Фонтен-о-Руа.

...В 11 часов у федералистов уже почти нет пушек, и две трети армии их окружают... Версальская артиллерия

бомбардирует их до тех пор, пока федералисты не растрасчивают всех своих снарядов. Послав последнюю пулю, они бросаются на штыки, которые их окружают со всех сторон...»¹

С беспримерным мужеством и самообладанием Ферре руководил до конца обороной последних позиций коммунаров и дрался, пока хватило патронов. Но вот последняя баррикада взята. Отчаянное, героическое сопротивление сломлено. Ферре удаётся скрыться, ускользнуть из рук версальцев.

«На коммунаров надо устроить охоту! Это бандиты, которые сами себя поставили вне законов гуманности!» — взывала газета «Le Bien Public» («Общественное благо»).

«Мы должны обложить, как диких зверей, тех, кто прятался, — беспощадно, но с твёрдостью!» («Figaro»).

Не будучи в состоянии поймать Ферре, версальские власти выместили всю свою злобу на его родных — родителей, сестре и братьях, которые скромно жили в маленькой квартирке парижского предместья Леваллуа-Перре.

Однажды утром дома оставались только мать Теофиля (отец ушёл на работу) и больная сестра его Мари, которую мучила жестокая лихорадка. Внезапно в дверь ворвалась целая орава полицейских агентов и шпииков.

«Сыщики набросились на старуху Ферре, — рассказывает Одисс Баро, — и засыпали её вопросами, требуя, чтобы она указала место, где скрывается её сын.

Она утверждает, что ничего не знает об этом, но что если бы и знала, нельзя требовать от матери, чтоб она выдала собственного сына.

Настояния версальцев удвоились, они поочерёдно подступали к ней то с лаской, то с угрозой.

— Арестуйте меня, если хотите, но не могу же я сказать то, чего не знаю! Не будете же вы так жестоки, чтобы отрывать меня от постели моей больной дочери...»

Один из агентов заявил:

«— Так как вы не желаете сказать нам, где ваш сын, мы уведём вместо него вашу дочь...»

Тщетны все её мольбы и слёзы. Больную заставляют подняться и одеться, несмотря на то, что это грозит её жизни.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 309.

— Мужайся, мама, — говорит Мари, — не беспокойся, у меня хватит сил, это ничего: меня должны будут отпустить»¹.

Старуха-мать не выдержала такого сурового испытания: она начала бредить, произносить несвязные фразы. Версальские агенты не отходили ни на минуту от обезумевшей женщины, прислушиваясь к каждому её слову. С её уст случайно среди обрывков слов сорвалось название улицы «Сен-Совер». Мать бессознательно выдала собственного сына!

«Увы! Этого достаточно, — заканчивает Баро свой грустный рассказ. — Двое агентов остаются караулить дом Ферре, а другие во всю прыть бегут заканчивать своё дело. Улицу Сен-Совер окружают, обыскивают каждый дом: Теофиль Ферре арестован...

Через неделю после страшной драмы... храброй девушке вернули свободу. Но ей не могли вернуть её матери, которая сошла с ума и вскоре умерла в больнице для умалишённых при приюте св. Анны»².

Вскоре был арестован отец Ферре. Он просидел в тюрьме вплоть до расстрела сына.

7 августа 1871 г. начался процесс членов Коммуны. Ферре и его семнадцать товарищей предстали перед 3-м Военным трибуналом, председателем которого был полковник версальской армии Мерлен, а обвинителем — батальонный командир Гаво, только что вышедший из психиатрической больницы.

Триста мест в зале суда было отведено для членов реакционного Национального собрания, 2 тысячи мест — для «избранной публики». Так как Ферре отказался от защитника, председатель назначил ему официального защитника — Маршана. В обвинительном акте перечислялись все «преступления» Ферре, который характеризовался как «пылкий, неутомимый революционер», имеющий «очень плохое политическое прошлое»³. Ферре знал, что «суд» над ним фактически сведётся к грубой фальсификации правосудия, к акту насилия, который приличия ради нужно будет только облечь в соответствующие формальные рамки, и заранее решил наотрез отказаться от вся-

¹ См. Луиза Мишель, Коммуна, стр. 174—175.

² См. там же.

³ «Le procès de la Commune. Comptes-rendus des débats du conseil de guerre. 3-me conseil de guerre à Versailles». Paris (1871), p. 4.

кого участия в прениях. Впрочем, в течение процесса у него иногда истощалось терпение, и тогда он гневно реагировал на какую-нибудь новую клеветническую выдумку. В самом начале он обратился к суду со следующим заявлением: ¹

«Господам членам 3-го Военного трибунала.

Принимая во внимание, что я имел честь быть избранным членом Парижской Коммуны тринадцатью тысячами семьями голосами XVIII округа; что я принял этот мандат, и моим долгом было честно его выполнять; что Коммуна пала, её члены убиты или арестованы, а характер их личностей, их действий, их учения и намерений сознательно извращён и истолкован самым лживым и гнусным образом; принимая во внимание, что главные вожди Парижской Коммуны, убитые, арестованные или вынужденные скрываться, были предметом самой недостойной клеветы и не имели возможности доказать истину и заклеить клеветников; принимая во внимание...»

Но тут представитель версальского правительства вышел из себя и резко перебил его:

— Немыслимо, чтобы Трибунал продолжал слушать подобное восхваление Коммуны обвиняемым. Этого ещё не доставало! Выступление Ферре было прервано.

Как и ожидал Ферре, суд и обвинитель вели себя нагло и крайне пристрастно, нисколько не считаясь с юридическими нормами.

Не следует забывать, что многое из того, что мы теперь знаем, не было тогда известно 3-му Военному трибуналу. Показания свидетелей на суде были явно неудовлетворительны, сбивчивы и путанны, несмотря на специальный их подбор (в качестве свидетелей были вызваны вопреки закону уголовные преступники, содержащиеся в тюрьме, и люди с весьма сомнительной репутацией). Одной из задач обвинения было доказать, что Ферре «лично присутствовал» 24 мая при казни архиепископа и прочих пяти заложников, чего в действительности не было. Но выступавшие перед судом свидетели отрицали это или ссылались на «слухи», на чужие слова; даже те, кто раньше давал такого рода показания, сейчас изменили их, некоторые не могли опознать Ферре на скамье подсудимых (например, тюремные надзиратели Кабо, Мюллер, арестант-вор Вальтье, указавший вместо Ферре на Люлье,

сидевшего на скамье подсудимых, и др.). Только арестант Коста (жулик, посаженный за подделку векселя) уверял и клялся, что Ферре «привёл в тюрьму карательный взвод».

Не будучи в состоянии доказать участие Ферре в казни 24 мая, обвинитель выдвинул новую версию — о том, что Ферре весь этот день провёл в мэрии XI округа (на площади Вольтера) и там на месте производил массовые расстрелы. Это лживое показание дал коммерсант-оружейник Ланье, который был арестован Коммуной по делу о «заговоре трёхцветных повязок», допрашивался Ферре и потому питал к нему лично сильнейшую ненависть. Несмотря на резкий протест возмущённого этой ложью Ферре, Ланье продолжал расписывать сочинённые им подробности расстрела. Но целый ряд свидетелей — служащих мэрии XI округа, работавших там с утра до вечера безвыходно, дали убедительные доказательства того, что рассказ о мнимых «массовых расстрелах» вымыслен с начала до конца (показания Майе, Кутана и Мартина). Обвинение и в этом пункте провалилось.

«Теперь для нас нет никаких сомнений,— пишет Гастон Да Коста в своей книге о Коммуне ¹,— что Ферре был главным действующим лицом в этой драме (то есть в казни заложников 24 мая.— А. Л.), но важно, с юридической точки зрения, что тогда, в августе 1871 г., 3-й Военный трибунал не имел, осуждая Ферре, никаких доказательств его виновности».

В своём стремлении обвинить во что бы то ни стало Ферре суд не погнушался даже явной фальшивкой: на суде была предъявлена записка, написанная якобы рукой Ферре, следующего содержания:

«Гражданин Люсэ. Немедленно прикажите сжечь министерство финансов и после этого присоединяйтесь к нам.

Т. Ферре.»

Подделка мнимой записки Ферре была настолько грубой и неуклюжей, что обвинение заранее поспешило предупредить: почерк записки не похож на почерк обвиняемого, так как «Ферре намеренно исказил свою обычную манеру писать». Это жульническое «передёргивание карт» заставило Ферре заговорить. Пытаясь сдержать свой гнев и выбирая осторожные выражения, он сказал: «Эксперт

¹ См. *Gaston Da Costa, La Commune vécue*, v. II, p. 55—56.

¹ *Gaston Da Costa, La Commune vécue*, v. II, p. 54.

уверяет, что эту записку писал я. Но даю вам слово, что она — поддельная! Это всё, что я намерен сказать. Допустим даже, что я написал такой приказ, — но в этом случае я бы постарался, чтобы слова мои не совсем были понятны, и написал бы его на бланке с официальным заголовком.

Эту записку я увидел напечатанной в «Liberté» и сразу же догадался, что полиция введена в заблуждение, кем — не знаю... думаю, что записку смастерили полицейские агенты, у которых есть на меня зуб. Почти все нынешние агенты — те же, что служили и при Империи. Можете сравнить её с другим моим письмом, имеющимся в деле: я никогда не пишу таким косым почерком»¹.

Защитник Ферре Маршан, назначенный судом, вёл себя корректно. Сам он не выступил, а добился для Ферре разрешения прочесть вслух своё «Заключение по делу». Это «Заключение» прозвучало обвинительным актом против империи и версальского правительства. В своей заключительной речи Ферре нарисовал яркую картину предательства правительства Национальной обороны, навязавшего населению Парижа гражданскую войну.

Героический коммунары предстал перед судом, полный гражданского мужества, и, принимая на себя всю ответственность за политическую деятельность Коммуны, фактически превращал суд над коммунарами в суд над Версалем и над победившей реакционной буржуазией. Вот эта замечательная сцена:

«Ферре (читает своё «Заключение»): «После заключения мирного договора, явившегося следствием позорной капитуляции Парижа, республика была в опасности. Несколько дней спустя... была избрана Коммуна. Долгом версальского правительства было — признать авторитет этого голосования, вступить в соглашение с Коммуной, чтобы восстановить мир и согласие. Но оно поступило как раз наоборот: словно война с иностранцами не причинила уже достаточно горя и разорения, правительство начало гражданскую войну, дыша мстостью и ненавистью к народу. Оно атаковало Париж и подвергло его новой осаде. Оно пользовалось всеми способами, чтобы победить; по всей Франции распространяло самую гнусную клевету

о действиях и о личности деятелей Коммуны; оно окружило себя злейшими врагами республиканской партии, а генералы версальской армии были личными друзьями Наполеона III. Два месяца Париж сопротивлялся; наконец, он был побеждён, и в течение 10 дней с разрешения правительства происходило массовое убийство граждан и расстрелы без суда.

Эти чёрные дни переносят нас в эпоху Варфоломеевской ночи. Виновники убийств сумели превзойти ужасы июньских (1848 г.) и декабрьских (1851 г.) дней! Доколе же народ будут расстреливать из митральез!»

Свою речь Ферре закончил следующими словами: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках моих победителей. Они хотят моей головы — пусть берут её. Никогда я не захочу спасти свою жизнь подлостью. Свободным я жил, свободным хочу умереть. Прибавлю только одно: судьба капризна. Я завещаю будущему заботу о моей памяти и о мести за меня».

— Память об убийце! — подал наглую реплику председатель суда Мерлен.

Обвинитель Гаво добавил:

— За такое заявление надо отправить на каторгу!»¹.

Аудитория, состоявшая из буржуа, чиновников, полицейских и кокоток, подняла ужасающий вой по адресу Ферре.

«Он [Ферре] спас честь Коммуны, но сам погиб»². — Так характеризовала Луиза Мишель последние выступления Ферре.

Действительно, в последние дни своей жизни он заботился лишь о том, чтобы весь мир узнал правду о Коммуне!

Ферре был приговорён к смертной казни...

Со дня на день ожидая смерти, он вёл себя спокойно и мужественно. Об этом свидетельствует его замечательная переписка с Луизой Мишель, сидевшей в то время в тюрьме³. «Думаю, Вас порадует это моё сообщение — много хороших и умных людей уже находятся в безопасности, — писал Ферре Луизе Мишель. — Вам, вероятно, хорошо знакома моя манера смотреть на вещи. Поэтому,

¹ «Le procès de la Commune. Comptes-rendus des débats du conseil de guerre. 3-me conseil de guerre à Versailles», p. 4.

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 59.

² Луиза Мишель, Коммуна, стр. 179.

³ См. ниже биографию Луизы Мишель, стр. 284—318 нашей книги.

без сомнения, Вас не удивит, если я скажу, что я всё больше и больше убеждаюсь в том, что наши идеи в конце концов победят. Мы сейчас были побеждены, ну что же! Если не мы, то наши братья возьмут реванш. Так какое же имеет значение, если я, например, в это время уже не буду жить? Я знаю храбрость и энергию моих товарищей по борьбе и уверен, что моя казнь только увеличит их рвение и сделает ещё более необходимым справедливое возмездие... Вместо того чтобы огорчаться нашими неудачами, проанализируйте лучше их последствия, и вместе со мной Вы убедитесь, что никогда социализм не был так необходим, как сегодня!».

Ферре не столько думал о своей близкой смерти, сколько спешил успокоить своего друга Луизу! Зная её характер, Ферре не без основания опасался, что она будет вести себя на суде настолько вызывающе, что это может кончиться смертным приговором для неё. Он уговаривал её в интересах дела смириться и быть сдержанной:

«Вы отлично понимаете,— писал Ферре Луизе,— что военные суды не особенно торопятся судить серьёзных женщин; однако, если Вас не освободят, в конце концов Вы когда-нибудь всё-таки предстанете перед судом... Постарайтесь быть достаточно спокойной, чтобы обмануть их ожидания; в особенности не злоупотребляйте своим великодушием — качеством, в значительной степени потерявшим своё значение в наше время.

Интересы нашего дела требуют свободы его защитников. Можно сохранять своё достоинство, не будучи, однако, наивной... Советую не забывать моих замечаний и постараться поскорее выбраться из этого осинового гнезда».

Сколько нужно было стоического самообладания, чтобы вести себя в такую минуту так, как это делал Ферре, видевший крушение самого дорогого для него — Коммуны, лишившийся любимой матери, которая умерла в сумасшедшем доме. Отец всё ещё сидел в тюрьме. Брата — участника Коммуны — недавно арестовали; он непрерывно с волнением добивался свидания с Теофилом. Горе сломило его, и он, так же как мать, потерял рассудок. «Внезапно,— рассказывает Гастон Да Коста, сидевший в том же версальском Дворце правосудия, где сидел Ферре в одиночной камере,— среди гробовой тишины тюрьмы прозвучали отчаянные, бессвязные вопли сумасшедшего человека. Это был брат Ферре... Вскоре он уже

не кричал, а рычал, выл, требуя... свидания с братом!.. Теофиль Ферре сидел внизу, на первом этаже, в одной из камер, предназначенных для смертников...

Затем мы (находившиеся на 3-м этаже) слышали быстрые шаги надзирателей, ругань... Затем скрип ключей и засова — угрозы арестованному... Очевидно, его зверски избивали... Это продолжалось целых полчаса, в то время как Теофиль находился внизу... Он слышит, он ждёт! Не вытерпев, я вскакиваю и бегу к окошку с громкими проклятиями. Появляется директор, предлагает мне замолчать. В то же время несчастного брата Ферре связывают и тащат в одно из подземелий тюрьмы... Это не было галлюцинацией. Все мои товарищи слышали эту сцену — Груссе, Эмбер, Рошфор»¹.

Когда полковник Гайяр, начальник военно-тюремного управления, узнал об этом эпизоде, ему пришла в голову жестокая «шутка». Он приказал «удовлетворить давнишнюю просьбу» умалишённого.

Больной был посажен вместе со своим братом-смертником Теофилом. Последнему приходилось терпеливо выносить эту пытку в течение последних дней, которые ему ещё осталось жить!..

Но Теофиль ни единым жестом не выдал своего волнения и горя. Этого сильного духом человека прекрасно характеризует последнее письмо — письмо его сестре Мари, которое было написано обычным чётким почерком за два часа до казни:

«Версальская одиночная тюрьма, камера № 6.

Вторник, 28 ноября 1871 г., 5½ часов утра.

Дорогая сестра.

Через несколько мгновений я буду мёртв. В последнюю минуту я буду вспоминать о тебе. Прошу тебя, потребуй, чтобы тебе выдали моё тело, и похорони его вместе с телом нашей несчастной матери.

Если можешь, напечатай в газетах о часе погребения, чтобы друзья могли проводить меня. Само собой разумеется, никакого церковного обряда: я умираю, как и жил, материалистом...

... Преодолей своё горе и будь на высоте положения, как ты мне не раз обещала. Что до меня, то я счастлив: приходит конец моим мучениям и потому жаловаться мне

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 138.

не на что. Все мои бумаги, платье и другие вещи должны быть выданы тебе, за исключением денег, которые я оставляю в конторе для менее несчастных заключённых.

Т. Ферре»¹.

После этого Ферре написал ещё одно краткое письмо, адресованное военному министру:

«Господин министр! Через несколько мгновений я буду мёртв, и тогда не будет никаких оснований держать в заточении моего отца, находящегося на понтоне (пловучей тюрьме.— А. Л.), и брата моего, который помещён, как умалишённый, в военный госпиталь. Надеюсь, что вы вернёте их обоим моей сестре, которая одна в состоянии дать им всё то внимание и заботы, в каких они нуждаются»².

В тот же день, 28 ноября 1871 г., Теофиля Ферре, Росселя и Буржуа³ отвезли на зловещее поле Сатори, где уже пролилось немало крови расстрелянных мучеников-коммунаров. Вот как один журналист описывает поведение Ферре с того мгновения, когда ему объявили, что он должен ехать на казнь:

«Ферре спокойно закурил сигару и начал так тщательно одеваться, что это заняло более получаса. Он беседовал с надзирателями, роздал им сигары, которые, по его словам, «ему уже некогда было курить». Его волнение сказывалось только в некотором конвульсивном подёргивании, как и в прерывистости речи... Наконец Ферре и его товарищей по несчастью вывели на улицу. Раздалась команда, и эскорт поскакал галопом, окружая три чёрных экипажа.

На поле Сатори ещё с 6 часов утра выстроились в виде каре войска под командой полковника Мерлена (того самого, который был председателем суда, приговорившего Ферре к казни).

В 7 часов забили барабаны: это на поле появилась процессия с осуждёнными. Процессия направляется к середине каре. Экипажи останавливаются. Ферре, Россель и Буржуа выходят и твёрдым шагом идут к роковым столбам под звук барабанной дроби. Водворяется гробо-

вая тишина, начинается чтение приговора. Ферре продолжает спокойно курить сигару... Выпрямившись Ферре опирается о столб и ждёт...».

«Действительно,— должна была отметить 28 ноября 1871 г. даже реакционная газета «Liberté»,— осуждённые держались весьма твёрдо. Ферре, прислонившись к столбу, бросает на землю свою шляпу. Подбегает сержант, чтобы завязать ему глаза, но Ферре берёт повязку и бросает её на шляпу. Трое осуждённых остаются одни у своих столбов, три карательных взвода, быстро приблизившись, дают залп».

Так погиб коммунар Теофиль Ферре, один из лучших и наиболее стойких революционеров Парижской Коммуны 1871 г.

Теофиль Ферре, подобно своему учителю Бланки, был «социалистом только по чувству» (Энгельс), он не был вооружён социалистической теорией, но твёрдо и пламенно верил в то, что социализм в конце концов восторжествует.

Спокойствие и выдержка, скрывавшие под своим покровом энергию, преданность делу революции и беззаветную веру в победу социализма, были характерными чертами Теофиля Ферре. Его цельный, честный, мужественный образ навсегда запечатлется в нашей памяти, как образ безупречного героя пролетарской революции 1871 г., высоко и твёрдо державшего её знамя до последней минуты своей жизни.

¹ См. Луиза Мишель, Коммуна, стр. 182.

² Jules Claretie, Histoire de la Révolution de 1870—1871, v. V, Paris 1876, p. 143.

³ Последние два были осуждены за добровольный переход из правительственной армии в армию Коммуны.